

Надежда Мамаева

ДОГОВОРИТЬСЯ С ХЕЛЬ

АКАДЕМИЯ ТЕМНЫХ
ВЛАСТЕЛИНОВ

ЧАРОДЕЙКА
НА ВСЮ ГОЛОВУ

Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М22

Разработка серийного оформления
Евгения Антофия

Иллюстрация на обложке
Бориса Аджиева

Мамаева, Надежда Николаевна

М22 Договориться с Хель: Академия темных властелинов. Чародейка на всю голову : сборник / Надежда Мамаева. — Москва : Издательство АСТ, Издательский дом «Ленинград», 2024. — 608 с. — (Коллекция. Другие миры).

ISBN 978-5-17-165530-3

Когда у госпожи Смерти не сходится квартальный отчет по душам, то она готова на всё. Не ко времени умерла одна девушка, и баланс ушел в дебет? Перекинуть ее неучтенную душу в другое тело в ином мире. Вторая решила взять самовольный кредит на новую жизнь? Найти нахалку, догнать и выбить все с процентами!

От костлявой не уйдешь! Вот только и попаданки оказались с характером. Такие и в академию темных властелинов поступят, и дракона за минуту угонят, и злодеев выведут на чистую воду. А все потому что очень уж жить хотят. А в задушевных ведомостях у Хель фигурировать — нет.

В таком непростом противостоянии выжить светлым чародейкам помогут только черное чувство юмора, сила духа и конечно же любовь...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-165530-3

© Надежда Мамаева, 2024
© ООО «Издательство АСТ», 2024

АКАДЕМИЯ ТЕМНЫХ ВЛАСТЕЛИНОВ

ПРОЛОГ

Проливной дождь пошел резко и стеной, словно кто-то вспорол небесный бурдюк, полный воды. Капли застучали по крышам, забарабанили по разлапистым листьям каштана, начали отплясывать джигу на подоконнике распахнутого настежь окна второго этажа и поливать мужчину, цеплявшегося пальцами за самый край карниза. Вот только вероятность промочить сюртук насквозь волновала его меньше всего. Висевший был занят очень важным делом: он подслушивал. А разговор в комнате, освещенной в этот ночной час тремя дюжинами свечей, велся презанятный.

— Так, значит, нужно отправить в бездну этих пятерых? — Голос с характерной для курильщика хрипотцой был спокоен и деловит.

— Да, и желательно, чтобы убийства были громкими и не оставляли сомнений, что это именно не случайная смерть. — Второй, наоборот, обладал приятным баритоном человека, привыкшего не просто говорить, а заставлять собеседника слушать.

— Хорошо, я передам ваши пожелания моему исполнителю, — усмехнулся любитель табака.

— Надеюсь, он стоит тех денег, что я плачу.

— Даже не сомневайтесь, этот мастер — один из лучших в гильдии Черных Плащей.

Порыв ветра заставил створку удариться об откос и, черпанув пригоршню капель, закинул их в внутреннее тепло комнаты.

— Позвольте закрыть окно, а то становится промозгло. — В баритоне послышались сварливые нотки. А после этого раздались характерные шаркающие шаги, словно говоривший хромал.

Подслушивавший разговор мужчина расцепил замерзшие практически до бесчувствия пальцы и полетел вниз, руководствуясь принципом: лучше иметь сломанную ногу, чем не иметь на плечах головы. А то, что он ее лишится, едва собеседникам в комнате станет известно, что у их разговора есть свидетель, было очевидно.

ГЛАВА 1

Нет хуже награды, чем похвала начальства. Оттого что за ней чаще всего следует речь в духе «ты — молодец», «наш коллектив тобой гордится» и «соверши трудовой подвиг во благо руководства». Я предпочла бы льстивым речам пополнение зарплатной карты, но главбух посчитала иначе. Подойдя ко мне под конец рабочего дня с миной анаконды, только что разбавившей свой пищевой рацион отборной крольчатинной, она похвалила меня за отчет и расторопность, а потом положила на стол пухлую папку: стопка счетов-фактур за квартал. Елейным голоском мне сообщили, что Лейлочка, по совместительству невестка Джоконды Степановны, как значилось полное имя нашего главбуха, приболела, а сверку итогов надо провести пренебрежнейшим образом сегодня.

Выдав эту ценную информацию, на меня уставились в упор. Дескать, попробуй возрази. Я молча проглотила, лишь кивнув. Прописную истину «не нравится — увольняйся» знает каждый, кто хоть когда-то работал. Но пока зарплата все же удерживала, да и стаж был нужен.

Не распахивали конторы гостеприимно двери перед вчерашними выпускницами, впрочем, как и перед позавчерашними. Я даже усмехнулась: в двадцать не найдешь работу оттого, что нет стажа, в тридцать —

потому как уже есть маленькие дети и часто будешь уходить на больничный (а то и в еще один декрет), в сорок — уже не так расторопна, а в пятьдесят — слишком большой багаж знаний, которым можешь задавить пламенный спич молодого директора. Из этого порочного цифрового круга 20-30-40-50 порой мне виделся единственный выход: 90-60-90. При таких параметрах руководство зачастую закрывало глаза на все остальные, как то: квалификация, исполнительность, пунктуальность... Хотя был еще один карьерообразовательный способ, но ради него терпеть такое свекровище, как Анаконда Джоконовна (как за глаза называли начальницу офисные коллеги), я бы ни за какие коврижки не согласилась.

Часы продолжали свой бег, офис пустел, охранник любовно поглаживал сканворд, периодически кося на меня глазом в открытую дверь.

Я задерживалась. Основательно так. На столе стояло уже пять грязных кружек из-под кофе, когда я с наслаждением потянулась и выключила монитор. Расквиталась.

Лампочка моргнула. Скачок электричества, что ли? В вентиляции запели то ли застенчивые духи, то ли подгулявший мартовский ветер.

Настенные часы показывали два часа ночи. Соблазн остаться на рабочем месте и прикорнуть на диванчике был велик, но я решила, что лучше поспать на час меньше, но на нормальной кровати, чем скрючившись в три погибели, а потом весь день хвататься за поясницу.

Вызвала такси, благо съемная квартирка, которую мы делили с подругой, находилась недалеко от работы. В получасе езды. В ожидании сообщения с номером машины накинула на плечи плащ и, распрощавшись с охранником, вышла из офиса.

Коридор радовал глаз приглушенным светом, а вот тишина, столь несвойственная зданию бизнес-центра, наоборот, настораживала. Подойдя к лифту, по привычке не задумываясь нажала кнопку вызова. Именно в это время мобильный пискнул.

Я начала рыться в сумочке в поисках пиликалки, когда створки лифта разъехались. Все так же копошась в недрах своего баула, не глядя шагнула вперед. Нога не нашла опоры, а сила земного притяжения, напротив, никуда исчезать не собиралась. Оттого я с криком полетела в шахту лифта.

Двенадцать этажей. Это много или мало? Пока взберешься по лестнице на высоченных шпильках, по ощущениям — покоришь Эверест. За это время успеешь проклясть и изверга-архитектора, и свою работу, и лифтеров, что никак не починят подъемник. А вот если летишь вниз...

Говорят, за миг до смерти перед глазами проносится вся жизнь. То ли молва врет, то ли моя жизнь была столь скучна и однообразна, но передо мной пролетели только тридцать метров бетона. Удар.

Мое тело упало на чертову кабину, которая так и не приехала. Она стояла на первом этаже, а внизу под ней суетились ремонтники.

Но все это я поняла спустя несколько мгновений безумной боли, когда меня буквально вышибло из собственного тела.

Я висела над собой. Вернее, над тем, что от меня осталось. Россыпь веснушек на скулах рассекли сразу несколько шрамов, рыжие волосы начали пропитываться кровью, ноги были вывернуты под неестественным углом.

Меня теперешнюю от меня привычной, живой, отделяли всего лишь три секунды. Гребаные три секунды и один шаг! И телефон, на разбитом дисплее которого красовалась издевательское сообщение: «Такси выехало. Красный „рено“, номер а848мк. Время ожидания 7 минут».

Больше было некуда спешить. Мне. А вот ремонтники, услышав удар, засуетились. Полезли проверить, и тут я... лежу, почитаю.

Мужик в комбинезоне, первым выбравшийся из шахты, увидев мою неземную красоту, побледнел до синевы. Эдак я соберу целую компанию призрачных

душ. Судя по тому, как сей упитанный дядька схватился за сердце и начал заваливаться, у него были все шансы присоединиться ко мне. Вот это будет поворот судьбы: собственной смертью отомстила своим невольным убийцам.

Исторический смех, как выяснилось, свойственен не только людям, но и призракам. Только он был беззвучным. Случившееся выглядело столь абсурдным, что я просто не могла в это поверить. Казалось, что это просто дурной сон, что задремала на рабочем месте, упала лицом на клавиатуру. Вот сейчас проснусь, посмотрю на папку со счетами и продолжу составлять отчет... милый, любимый отчет.

Ведь такого просто не могло случиться со мной!

У второго рабочего нервы оказались покрепче. Он подхватил своего напарника, усадив его прямым колом на пол и прислонив спиной к стене. А сам подошел к моему телу и прижал палец к шее, затаив дыхание. Долго стоял, минуты три, а потом обреченно бросил:

— Звони начальству. И в «скорую». Пусть труповозку высылают.

Это его «труповозку» прозвучало так естественно и правдиво, что захотелось заорать благим матом. Но тут из темного угла раздался скрипучий голос:

— Ну что, убедилась, что окочурилась? Тогда пойдем со мной.

Тень, еще мгновение назад представлявшая собой бесформенный сгусток тьмы, сделала шаг вперед. И я увидела ее. Смерть. Она явилась, как и положено, с косой и в черном балахоне. Единственное, что выбивалось из традиционного образа, — планшет, который она держала в своих скрюченных пальцах.

Идти куда-то с этой образиной не хотелось, оттого я поступила в лучших традициях организаторов торгов: начала тянуть время в надежде выгадать.

— А вы, простите, собственно, кто? — задала я самый нелепый из всех вопросов, что смогла придумать.

Ведь известно: чем глупее вопрос, тем на него тяжелее ответить.

— Ну и души пошли! Как можно меня не узнать? — возмутилась Смерть. — Я для кого, спрашивается, униформу надевала? Для кого обязательную атрибутику брала? — Она в сердцах потрясла косой.

«Рабочий инструмент» у костлявой, к слову, был даже с фирменным логотипом и надписью на обушке: «Вот и все, ребята!»

— Нет, не признала, — стараясь, чтобы голос звучал смущенно, ответила я и добавила, отыгрывая альтернативно одаренную девицу: — Так вы все-таки кто?

— Смерть твоя, — выплюнула капюшонистая старуха со злостью. — За тобой пришла.

— А точно за мной? — заелозила я, как кот после лотка.

Старуха начала терять терпение:

— Да за тобой, за кем же еще-то?

— Ну вот там дядечке еще плохо... — протянула я в ответ, указывая на несчастного, который и не подозревал, что на него сейчас в упор уставилась Смерть.

Она глянула на ремонтника, которого я ей усиленно сватала, а потом начала тыкать в планшет.

— Нет... Этот у нас по распределению пойдет только через двенадцать лет. А то, что он за сердце схватился, — ерунда. У него повестка на ноябрь две тысячи тридцать первого года стоит.

— Повестка? — удивилась я, судорожно вспоминая, а не приходила ли мне такого рода листовочка. Вдруг я что упустила?

— Ну да, — как о чем-то само собой разумеющемся ответила Смерть. — Микроинфаркт.

М-да, вот тебе и «повестка».

— Так ты пойдешь со мной или нет? — устало протянула Смерть.

Я решила, что если спрашивают, значит, есть вариант отказаться. В противном случае со мной бы не церемонились.

— А если нет?

— Тогда останешься призраком. Через век приду за тобой опять. Спросить, не передумала ли.

И столько тоски было в ее голосе, что я решила уточнить:

— А что в этом такого? Ну поброжу немного среди живых. Мне, может, на тот свет жутко не хочется...

— А мне из-за тебя премии лишаться не хочется! — выдала Смерть. — У меня, может, на участке привидений и так полно, а ты мне своим «не хочу» и вовсе лимит превышаешь. — А потом куда-то в сторону добавила: — Эх, развели тут политику добровольного согласия, не то что раньше...

— Так оставили бы меня в живых, — начала я ее уговаривать в лучших традициях одесских эмигрантов. — И вам же лучше, и мне радость.

Сейчас я была согласна на любую жизнь. Пусть с изуродованным лицом, пусть на костылях...

— Не могу. У меня на тебя обязательная разрядка на сегодня стоит, видишь? — И развернула экран планшета ко мне.

Действительно, там напротив моих имени-фамилии значилась сегодняшняя дата и пометка «забрать». Но тут на экран выплыло сообщение с маркером «срочно!».

— Ой, а у вас там... — начала было я, но Смерть уже и сама повернула к себе дисплей. Прочитав сообщение, не удержалась от комментария: — Опять эта суицидная. Сказала же ей еще в тот раз: «Твое время пока не пришло», — так нет же, она опять за свое.

— А что такого? — лишь из чувства противоречия решила я возразить своей собеседнице. — Ну захотел человек умереть!

— Вот мне где все эти ваши хотелки! — Смерть провела ребром ладони там, где у людей обычно находится шея. — Одна умирать не хочет, вторая на тот свет рвется. А у меня в одном мире лимит того и гляди превышен будет, во втором — перевыполнение плана.

Что такое перевыполнение плана, я знала хорошо. Это сначала ты передовик и молодец. Как же, сделал

больше нормы! Начальство тебя за это похвалит. Зато в следующий квартал впаяет новые показатели нормативов. Выросшие аккурат настолько, насколько ты этот самый план умудрился перевыполнить.

— Сочувствую, — сдуру ляпнула я.

Смерть презрительно протянула:

— Сочувствует она... А раз так, то пошли со мной. Уговаривай вас тут еще. Одно слово — молодежь. Вот старики даже и не спрашивают меня, кто такая да за чем. Сразу узнают и идут, куда скажу...

И тут я вспомнила, как наша Джоконда Степановна умудрялась виртуозно мухлевать с отчетами, так мастерски тасуя цифры для налоговой, что и не подкопаясь. У нее щеченка могла проходить по цене мраморной крошки второй категории, а бригада из пяти человек — возвести монолитку за полгода. И как ни бились проверяющие головой об папки с документацией, доказать мухлеж не могли.

— А может, мы местами поменяемся с этой вашей суицидницей? Раз ей так хочется прокатиться в лодке по Стиксу, я не против уступить ей свое место, — внесла я предложение.

— Ты на что меня толкаешь? Это же подлог! — возмутилась Смерть.

— Подлог — это когда насовсем, а у вас производство бесперебойное, поточное. Рано или поздно даже при обмене телами я к вам попаду... А так — у вас статистика в норме. Опять же премия... — начала соблазнять я, лихорадочно вспоминая, что еще успела сообщить мне во время нашего разговора Смерть.

Она в задумчивости побарабанила пальцами по планшету и наконец выдала:

— Говоришь, сильно жить хочешь?

— Очень! — горячо заверила я.

— Ну смотри, сама напросилась. — С этими словами костлявая приблизилась и откинула капюшон.

На меня уставились глаза самой бездны. А потом старуха раззявила беззубый рот и начала втягивать воздух, а вместе с ним — и меня.

Меня закрутило, как в водовороте. Черном, обжигающе-холодном, пропитанном болью и ощущением безнадежности.

А когда выплонуло, я оказалась висящей под толчком какой-то каморки. Внизу на постели лежала молодая девушка. Простоволосая, в ночной сорочке. Молоденькая совсем. На вид лет восемнадцать, не больше. Правильные черты лица, чуть пухлые губы, смуглая кожа, лебяжья шея. На шее уродливым клеймом красовался след от удавки. И спрашивается, что ей на свете не живется? Не уродина, не калека, не старуха...

Смерть же, у которой эта девушка, видимо, была постоянной клиенткой, стукнула косовищем об пол, отчего дух суицидницы отделился от тела.

— Рейнара Эрлис, твоя душа все так же настойчиво хочет покинуть этот бренный мир?

Наблюдая эту сцену, я сначала слегка удивилась формулировке вопроса, а потом поняла, что он как нельзя точнее отражает суть происходящего: да, покидает этот мир именно дух девушки, а тело остается в мое пользование.

— Да, всецело и полностью! — Пылкий ответ полупрозрачной девы оказался в духе юношеского максимализма.

Эфемерная суицидница так и не заметила меня, притаившуюся в углу. Все ее внимание было поглощено Смертью, которая что-то набирала у себя на планшете.

— Ну, раз ты так просишь... Пошли. — И костлявая протянула руку мятежной душе.

Полупрозрачная точеная кисть коснулась скрюченных пальцев, и они обе исчезли. Просто растворились в воздухе.

Я осталась наедине с телом. И как прикажете быть? Хоть бы инструкцию оставили, что ли, или напутствие в двух словах.

Памятуя о том, что мозг может продержаться без кислорода не более пяти минут, а потом наступает